

Смею предположить, что в недавние идеологически выверенные времена мы не смогли бы по-лучить такое явление, как последние полотна омского художника Николая Горбунова. И не репродуцировали бы их наперебой органы печати, не писали бы о них искусствоведы и журналисты, не молчали бы перед ними в выставочных залах задумчивые посетители. Смею предположить, что в лучшем случае стояли бы эти холсты прислоненными к стене в мастерской автора и время от времени показывались бы коллегам и немногочисленным гостям.

Говорю «в лучшем случае», ибо вполне можно предположить, что в случае ином, когда в каждом творце сидел свой собственный, годами и десятилетиями идеологической зашоренности вышколенный так называемый «внутренний цензор», он, этот невидимый «цензор», просто-напросто не выгустил бы на белый свет ни «Касьяна», ни «Волкодлака», ни «Хранительницу ночи», ни тем более «Кузькину мать». Рискую, что данное предположение может даже несколько обидеть самого художника. Но, останься незбылемыми порядки, когда судьбу произведения чаще всего решал не коллективный разум художества, а приставленный к искусству конкретный чиновник, многое ему, автору, просто могло и не прийти в голову. Чисто автоматически. Пропади он пропадом, этот годами культивируемый в душе творческого человека «идеологический автоматизм»!..

Ладно, не будем об этом. Не станем отбивать хлеб у искусствоведов, которым - хотят они этого или не хотят - но все равно придется подробно разбираться во всех плюсах и минусах давившего на отечественное искусство многолетнего марксистского пресса. Попробуем пока разбираться в конкретном деле: почему в последние годы так громко зазвучал живописец Николай Горбунов.

- Николай Григорьевич, ты ведь родом из Исылкуля?

- Да. В Омске родителям не позволили в свое время устроиться жилищные условия, а в Исылкуле родня была, вот они и приехали туда. Там я и родился, там все детство прошло, и, как сейчас разумею, жалеть об этом обстоятельстве никак не приходится. Городок был маленький - фактически полудеревня. Природа рядом: лужайки, полянки, всегда босиком, огороды - свои и чужие...

- Когда почувствовал, что рисовать тянет?

- А вот в самом раннем детстве и почувствовал. Помню, ездили мы на Украину - в гости к друзьям отца. И меня, степняка, Урал поразил, который проезжали, - горы, поросшие лесом, скалы... Захотелось это передать на бумаге. Краски были самые примитивные - акварельные, некачественные - с леском, кисточки я из собственных волос изготовил. Нарисовал целую серию изображений, обклеил ими всю свою комнату. Родители похвалили - из соображений, конечно, педагогических.

А потом была исылкульская художественная школа. Именно с ней и связаны самые первые, самые замечательные открытия того художественного мира, в котором до сих пор живу. Почему-то навсегда запомнился этот негромкий стук кисточек о баночки с водой, который раздавался у нас во время занятий.

- Так на основе чего состоялся тот Горбунов, которого в последние годы знают все, интересующиеся изобразительным искусством? Откуда появились в твоих работах мотивы таинственности, загадочности, мистики? Откуда пришли на твои полотна эти необычные ирреальные герои - чародеи, домовые, оборотни?..

- Никакой особой задачи - окупиться в этот мир - у меня, конечно, не было. Получилось все естественно. Увлёкся ведической, дохристианской культурой - более древней, чем культура православия, читал об этом, думал. В древних языческих представлениях человека об окружающем нас мире немало поэзии, сильных влекущих образов - недаром так много перешло оттуда в более позднюю русскую культуру, фольклор.

Все эти мои поиски пришлось на конец 80-х годов, когда рухнули всяческие идеологические запреты и ограничения. В такой обстановке и рождались полотна «Домовой», «Кузькина мать», «Черный петух»... Легко приходили сюжеты, работало запоем, одним словом - накатило. Как мне думается, вышло на полотно то, что таилось во мне долгими годами, что рождалось, может быть, еще где-то в детстве, исходило от таинственных и страшноватых рассказов наших бабушек, от ночных рыбалок и хождений по окружающим Исылкуль лесам...

Много еще на свете непознанного, и оттого - по-особому поэтичного. И именно здесь художник может немало сказать. В этом смысле я немного недолюблю науку, стремление которой - все по полочкам разложить, не оставить ничего необъясненным. Ну как бы мы отнеслись к человеку, который, поймав золотую рыбку, начал бы ее препарировать, чешую золотую с нее счищать, чтоб узнать, как это чудо устроено? Не лучше ли любоваться такой золотой рыбкой, если уж судьба нам ее иногда посылает?..

О СОБЕСЕДНИКЕ:
штрихи к портрету
«Николай Горбунов показан всем кузькину мать».
(Заголовок газетной статьи - «Омский вестник», ноябрь 1993).

- Ты не относишь себя к верующим людям?

- А вот как по-твоему: ребенок - он верующий или нет? Твердо убежден - верующий. Душа у него живая, незамутненная, и он постоянно находится в состоянии познания жизни, веры в чудо. Ребенок, например, не может поверить, что когда-нибудь его не станет. Когда он начинает это понимать, значит, он взрослеет. Поэтому нам с нашим пионерско-комсомольским детством трудно быть верующим в обычном понимании этого слова.

Внутреннее ощущение веры во мне есть, может быть, оно чем-то как раз похоже на ощущение ребенка, о чем я уже говорил. Но войны в храм и перекрестился не считаю себя вправе, не хочу быть неоткровенным, не хочется фальшивить - и прежде всего перед самими собой. Не готов я и к тому, чтобы придти к другому человеку

и покаяться перед ним в своих грехах.

Или: стою перед иконой, понимаю ее красоту, воспринимаю ее как предмет искусства, но не постигаю ее святости. Из-за этого я не очень-то удобно чувствую себя в храме. Хотя людей верующих уважаю и понимаю.

- Слышал, что некоторые твои последние работы заинтересовали зарубежных коллекционеров.

- Интерес такой есть, хотя меня это несколько удивляет, ведь в этих полотнах все-таки четко проявляется славянская специфика. Но дело в том, что предлагаю свои работы за рубеж мы еще не умеем, были случаи, и не один, когда нас просто-напросто обманывали: забирали наши произведения с обещаниями денег, славы и... они потом исчезали.

А мои работы того цикла, о ко-

О СОБЕСЕДНИКЕ:

штрихи к портрету

«Искусствоведы отмечают, что творчество Н. Горбунова созвучно стилистической теории Э. Тайлора. Душа, дух человека есть двойник, который живет как в его теле, так имеет способность переселяться в другие объекты... «Волкодлак» (оборотень) Горбунова крайне редкая картина по характеристикам человека и животного. Мирно любоблывающий зверь и агрессивен-недоброжелательный человек воспринимаются в условиях катаклизмов конца XX в., потрясающих все человечество».

(«Культура Сибири», № 1, 1995).

- Ты уже упоминал об интересе зарубежного зрителя к творчеству омских художников. Скажи, уровень творчества наших

земляков в самом деле так высок, что не стыдно и за границей показать?

- Много у нас самобытных, сильных и интересных художников. Недавно я был в Москве, там видел на Крымском валу выставку из картин, которые в последние годы приобрели в России англичане. И пришел к твердому убеждению: мы из этого ряда никак не выпадаем, кое в чем и «покруче», может, выльдим - самобытней и разнообразней. К сожалению, представлением нашего творчества на международном рынке пока никто целенаправленно не занимается, а самодельные попытки представить туда самих себя, как я уже говорил, чаще всего заканчиваются неудачей. Работы исчезают.

Далека наша Сибирь, западные коллекционеры и их представители, как правило, дальние Москвы и Питера не едут. Инициатива с нашей стороны не проявляется по простой причине - ехать за границу дорого. Я уже вот третий год, как избран на должность председателя нашего правления, но пока возможности поехать за рубеж не было.

- Тебя избрали председателем правления Омской организации Союза художников России, кажется, в 96-м году?

- Да. У нас ведь всегда демократия была, еще в коммунистические времена, когда где-то на подсобные должности партвласти настойчиво «рекомендовали» (читай - назначали) того, кто их больше устраивал, здесь, у художников, такое туго проходило: выбирали сами. Потому у нас на этой должности мало кто чувствовал себя «начальником». Что вообще-то сейчас минус. Сейчас, может быть, наоборот на эту должность следует кого-нибудь прирожденного директора ставить с железным характером и твердой рукой. Такое непростое для художника время.

Например, я по натуре далеко не лидер. А приходится иногда твердость проявлять, часто нужно общаться с должностными лицами, с чиновниками разных уровней, от которых зависит та или иная сторона жизни нашей организации, приходится изучать нравы, царя-

щие в коридорах власти, а это тоже непросто.

У нас здание Союза художников сорок лет было без ремонта. Приходится электрооборудование всюду менять. Крышу отремонтировали. В выставочном зале оборудование давно уже устарело - этим тоже занимаемся. Одним словом, чисто хозяйственных дел хватает.

- Николай, ты в свое время входил в молодежное объединение при Союзе художников?

- Нет, никогда. В те времена я числился в «авангардистах», а таких к молодежному объединению старались не подпускать. Боюсь, видимо, что мы дурно влиять будем на молодых. В молодежных выставках я участвовал, но официально членом молодежного объединения не был.

Понимаю, куда ты клонишь: хочешь спросить, почему сейчас у нас нет специального молодежного объединения, как раньше. Да, оно не существует, но в нем, пожалуй, и нет сегодня особой нужды. За молодыми мы следим и сегодня, но уже не в том смысле, как когда-то. Это раньше «отслеживали» - не повернет ли талантливый молодой художник в идеологически неверную сторону, не ударится ли в формализм? Теперь никаких ограничений нет, было бы главное - талант, а уж тут-то мы человека из поля своего зрения не упустим.

В общем, ситуация резко переменялась. Да чего тут далеко за примером ходить: вот перед тобой сидит бывший подозрительный человек, авангардист. А нынче его

первую «программу»: сели в джип, повесили на шею золотую цепь, разговаривают по сотовому телефону. Теперь выполняют «программу» вторую - приобщаются к искусству. Можно всячески приветствовать и создание своих галерей банками, банки в данном случае работают и на сегодняшний день, поддерживая конкретные художников, но одновременно о будущем думают, ведь купленные ими картины достанутся нашим потомкам.

- Как-то академик Лихачев заметил, что он не поддерживает презрительного, снобистского отношения к людям, которые собирают личные библиотеки, а сами собираемых книг не читают. Не нужно, говорит Дмитрий Сергеевич, снисходительно относиться к таким собирателям, а уважать их надо уже за то, что не хрустят скапуют и не золотые побрякушки, а книги. Книжка же рано или поздно обязательно начнет работать на человека: не дети этого собирателя станут пользоваться данной библиотекой, так внуки...

- Что же касается эрудированности в области искусства, то это - дело наживное. Наблюдал я за разными людьми - за бизнесменами, за чиновниками, которые сначала придут к нам в мастерские или на выставку, - ну ничего не понимаю! Придут во второй, в третий, в четвертый раз - глядишь, уже что-то дельное высказывают, реализм от сюрреализма уже отличают. Вкус развивается, человек не может быть абсолютно глухим к прекрасному.

- Есть ли в твоей памяти примеры (не обязательно фамилии называть), когда из-за тяжелого материального положения, от отчаяния творческий человек бросил кисть и ушел из искусства - в бизнес, например?

- Нет, не припомню. Если человек ощущает творческое горение, он не уйдет из искусства, не такие мы люди. Скорее - запыет от душевной пустоты.

А вообще, период сейчас для творчества очень интересный. Все сломы, происходящие в обществе, всегда находят отклик и в душе, и в творчестве художника. Очень резкие перемены происходят прямо на наших глазах. То мы ринулись из полуфеодализма чуть ли не в коммунизм, а сейчас - из этого недостроенного коммунизма - в капитализм. Таких скачков, пожалуй, нигде еще не бывало. Это же все обязательно должно отразиться в искусстве.

О СОБЕСЕДНИКЕ:

штрихи к портрету

«Николай Горбунов своим творчеством заставляет как раз внимательнее и глубже посмотреть в историю России, которая практически на всем протяжении творилась крестьянами. Делает это он не навязчиво - в виде стилизации или цитирования, а самостоятельно размышляя над всеми сложными проблемами отношения человека и природы, духа и обыденной рациональности».

(«Глубинка», № 2, 1996).

- Художник, творец во все времена был одинок, это, пожалуй, неизбежно. Не усугубляется это чувство в наши дни, когда большинство людей озабочено собственными нелегкими проблемами, каждодневным выживанием и элементарным пропитанием?

- Встанешь утром, глянешь в окно - солнце поднимается, небо красивое - да ведь все же в природе всегда прекрасно, все и у нас образуется. Что же касается чувства одиночества, то от него, действительно, никуда не деться. Но, может быть для творческого человека это не так уж и плохо - лишний раз ощутить себя одному, лишний раз подумать?

Многого, если не все, что нам приходится делать, оказывается нужным только тебе. Но надо ли от этого вдавливаться в отчаяние - опять же вопрос. Нужна твоя работа тебе - завтра будет нужна еще кому-то. Потерпи, не наваливай ее никому, не унижайся...

Так уж получилось, что, уже уходя, уже не под диктофон, на пороге мастерской задал я Николаю Григорьевичу самый, как теперь понимаю, главный вопрос: «К мольберту-то сейчас подходишь?» Он взял меня за рукав и подвел к летящим по нескольким холстам птицам. Странные эти птицы с маленькими, удлиненными головами одновременно представляють собой и расходящиеся, разорванные «концентрические круги».

Невнимательно слушал я туманные объяснения автора по поводу этих птиц (сам же он говорил: «Не верь, - врет!»), пересказывать их не стану. Но хорошо понял и запомнил одно: «языческий» период у Горбунова, видимо, заканчивается, мастер не хочет бесконечно тиражировать само себя, ему неинтересен гарантированный успех. Начинается нечто новое. Художник снова ищет. И, кажется, уже нашел. «Концентрические» птицы Николая Горбунова скоро вылетят из его мастерской, взмахнут своими широкими крыльями.

Александр ЛЕЙФЕР.
Фото Марка ФРУМГАРЦА.
(На заднем плане картина «Кузькина мать»)